

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ПРОТИВОРАКЕТНОЙ ОБОРОНЫ США

Валерий Николаевич КОНЫШЕВ^{а,*}, Александр Анатольевич СЕРГУНИН^б

^а доктор политических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация
konyshev06@mail.ru

^б доктор политических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация
sergunin60@mail.ru

* Ответственный автор

История статьи:

Принята 28.04.2015
Одобрена 26.05.2015

УДК 327.5

JEL: F50

Ключевые слова:

противоракетная оборона, США,
безопасность, угрозы

Аннотация

Тема. Выход США из Договора по ПРО 1972 г. дал старт быстрому развитию и развертыванию американской национальной системы противоракетной обороны (ПРО). Общее охлаждение отношений между Россией и США, как и с Западом в целом, привело к прекращению диалога по проблеме ПРО. Между тем потеря контроля над этой сферой грозит утратой стратегической стабильности не только в двусторонних отношениях, но и в глобальном масштабе.

Цели. Исследование посвящено изучению политики США по наращиванию возможностей национальной ПРО и ее последствий для безопасности России. Цель данной статьи – на основе анализа роли ПРО в стратегии США, оценки эффективности отдельных элементов американской ПРО, реальных достижений и проблем, с которыми столкнулись США, определить возникающие угрозы безопасности для России и сформулировать меры по нейтрализации этих угроз.

Результаты. Показано, что военная стратегия США предполагает дальнейшее развитие системы ПРО, которая рассматривается как часть новой «стратегической триады»: высокоточное оружие – ядерное оружие – системы ПРО. Тем самым системы ПРО получают новое качество, увеличивая ударный потенциал США за счет достигнутого ими преимущества в высокоточном оружии. Однако из-за проблем технического и финансового характера США пока не удалось добиться достаточной надежности и эффективности работы ПРО, которые могли бы защитить от массированной атаки российских МБР.

Выводы. Авторами сделаны выводы о том, что в обозримой перспективе американская ПРО не сможет защитить свою территорию от российских МБР, обладающих разделяющимися боевыми блоками и системой преодоления ПРО. В качестве политического ответа России необходимо искать пути для переговоров с США по мерам доверия в области ПРО, причем без излишней политизации проблемы. В военной области необходимо укреплять Северный и Тихоокеанский флоты, средства предупреждения о ракетном нападении по периметру России и развивать технологии преодоления ПРО.

© Издательский дом ФИНАНСЫ и КРЕДИТ, 2015

Споры экспертов вокруг проблемы противоракетной обороны (ПРО) набрали обороты после выхода США из Договора об ограничении ПРО 1972 г. Этот договор в течение нескольких десятилетий служил краеугольным основанием стратегической стабильности между США и СССР (а позже Россией) за счет ограничений на пределы территориального, количественного и качественного развития средств ПРО. Односторонний отказ от договора американской стороной произошел в 2002 г., и с этого момента началось масштабное наращивание возможностей

американской ПРО. Эти действия были далеко не случайны, поскольку США никогда не прекращали научных исследований в области ПРО – достаточно вспомнить стратегическую оборонную инициативу Р. Рейгана. А после окончания холодной войны в США постепенно возобладала точка зрения, что договор 1972 г. устарел и связывает инициативу США по закреплению глобального лидерства.

Кризисы в Грузии (2008 г.) и на Украине (2013–2014 гг.) недвусмысленно показали тенденцию к охлаждению отношений России с западными

государствами, но в еще большей мере – с США, которых не устраивает возврат России к политике великой державы. В настоящее время диалог по проблеме ПРО между Россией и США фактически прекратился. Это произошло не только на фоне охлаждения отношений, значительно усиленного кризисом на Украине, но и потому, что по многим аспектам ПРО между Россией и США сложилось расхождение позиций. Более того, в настоящее время даже внутри российского экспертного сообщества существуют достаточно противоречивые оценки последствий реализации планов США в области ПРО для безопасности России. Между тем утрата контроля над этой сферой грозит дестабилизацией стратегической стабильности не только в двусторонних отношениях, но и в глобальном масштабе.

В связи с этим необходимо обратиться к анализу роли ПРО в американской стратегии в контексте реалий сегодняшнего дня. Целью статьи является определение возникающих угроз безопасности России и формулировка некоторых параметров оптимальной политики по нейтрализации этих угроз на основе уточнения роли ПРО в современной военной стратегии, оценки эффективности отдельных элементов американской ПРО и анализа реальных достижений и проблем, с которыми столкнулись США при создании национальной системы ПРО (НПРО).

Место ПРО в современной стратегии США

Основные элементы ПРО, предназначенные для поражения баллистических ракет, включают в себя:

- 30 установок шахтного базирования с противоракетами GBI (*Ground Based Interceptor*), расположенных на Аляске и в Калифорнии и предназначенных для заатмосферного перехвата межконтинентальных баллистических ракет (МБР);
- 3 батареи зенитно-ракетных комплексов (ЗРК) THAAD (*Theater High Altitude Area Defense*) и 3 батареи ЗРК Patriot-3 для перехвата МБР на конечной траектории полета. Кроме того, оба вида ЗРК способны выполнять и задачи ПВО;
- противоракеты семейства SM-3 (*Standard Missile*) морского базирования, входящие в боевое оснащение 32 кораблей, оборудованных боевой информационно-управляющей системой «Иджис» (примерно по 20–30 противоракет на каждом). Они предназначены для перехвата ракет

на восходящем и среднем участках траектории ее полета. Существует также наземный вариант «Иджис» с противоракетами SM-3.

Обнаружение, сопровождение и целеуказание для противоракет обеспечивают радары (стационарные, воздушного базирования, корабельного базирования на «Иджис», на морской платформе). Стационарные радары раннего предупреждения о ракетном нападении действуют на дальностях до 5 тыс. км и размещены на Алеутских островах, в Калифорнии, Массачусетсе, а также в Великобритании, Гренландии, Норвегии, Чехии. Указанные задачи помогает выполнять система космических спутников на низких и геостационарных орбитах. Эта инфраструктура позволяет собирать разведывательную информацию о стратегических ядерных силах России и контролировать параметры учебно-боевых пусков. Имеющаяся конфигурация радаров различного типа дает возможность США контролировать российские МБР во время стадии разведения боевых блоков и развертывания ложных целей, что дает дополнительные возможности для более точного целеуказания средствам ПРО, которые располагаются на территории США [1].

Связь между средствами поражения, радарными и спутниками осуществляется с помощью автоматизированной системы боевого управления C²ВМС (*Command, Control, Battle Management and Communication*). Также система боевого управления позволяет постоянно наращивать состав средств ПРО любого базирования и управлять всей системой ПРО как единым целым.

В соответствии со стратегией США, нацеленной на создание глобальной ПРО, последняя включает в себя два основных компонента – национальную и несколько региональных. В последнее время внимание международного экспертного сообщества было сосредоточено в основном на создании европейской системы ПРО. Между тем в последние годы США ведут активную работу и по совершенствованию НПРО.

По сравнению с периодом российско-американского противостояния времен холодной войны значение систем ПРО в современной стратегии США изменилось. Это связано в первую очередь с изменениями в концепции стратегической стабильности. Ее суть сводится к такому соотношению стратегических ядерных сил конфликтующих сторон, при котором они вынуждены воздерживаться от нанесения превентивного удара под угрозой неизбежного ответного удара ядерных

сил потенциального противника. Равновесие достигается примерным паритетом по совокупности качественных и количественных показателей стратегических ядерных сил, отражающих состав, количество и структуру стратегических ядерных сил, а также возможностей по сдерживанию противника и нанесению ответно-встречного удара [2].

В настоящее время понятие стратегической стабильности требует серьезного уточнения. Окончание холодной войны сопровождалось важнейшим политическим изменением – взаимным отходом США и России от непримиримого противостояния, что снизило стимулы для превентивного ядерного удара. Однако постепенное распространение технологий, позволяющих создавать ракетно-ядерное оружие, вновь ставит вопрос об условиях стратегической стабильности. Для государств, которые сегодня стремятся получить ракетно-ядерное вооружение, это главным образом средство асимметричного ответа перед лицом превосходящей как ядерной, так и конвенциональной мощи великих держав. В этом случае развертывание как национальных, так и региональных компонентов ПРО создает для США стимул для нанесения превентивного обезоруживающего удара по «недружественным» государствам, не имеющим потенциала сдерживания, который бы гарантировал возмездие.

Оценивая планы Вашингтона в области противоракетной обороны в целом, следует иметь в виду, что создание глобальной ПРО США является составной частью новой стратегической триады: высокоточное оружие – противоракетная оборона – ядерное оружие. Предполагается, что США будут реализовывать концепцию быстрого глобального удара (*Prompt Global Strike*), т.е. они намерены создать систему, способную нанести удар обычным оружием в течение часа по любой точке планеты, последствия которого могут быть сравнимы с эффектом использования ядерного оружия.

Эта концепция тесно взаимосвязана со стратегией Б. Обамы в области ядерного оружия, заключающейся в пропаганде (и переговорах) сокращений ядерного оружия до того момента, пока ядерные силы России и Китая, как главных соперников, не будут снижены настолько, чтобы опережающее развертывание сил и средств быстрого глобального удара позволило США добиться военного превосходства. Новую стратегическую триаду США стоит оценивать и с точки зрения реалистической парадигмы международной безопасности, поскольку очевидно

не только стремление США к превосходству над другими странами, но и то, что они оценивают международную обстановку с позиции силы. Именно поэтому США уделяют значительное внимание ПРО, концепции «быстрого глобального удара» и ядерному оружию^{1,2}. При этом создаваемая глобальная система ПРО призвана обеспечить интеграцию оборонительных и наступательных стратегических сил, что позволило бы США проводить противоракетные операции для гарантированного уничтожения стратегических ядерных сил потенциального противника.

Поскольку в настоящее время в области высокоточного оружия США являются лидерами, для России наибольшее значение приобретает именно ядерное оружие, так как, согласно концепции «минимального сдерживания», в случае с США достаточно нескольких ядерных боезарядов, поражающих важные центры, чтобы удержать его от нанесения превентивного удара. Ядерное оружие для России – своеобразная компенсация отставания от США в области высокоточных вооружений. В этой ситуации, хотя США официально не относят Россию к своим противникам, можно предположить, что в их стратегической игре Россия вполне подпадает под эту категорию. Тогда реализуемая концепция «быстрого глобального удара», наравне с ПРО и переговорами о сокращении ядерных вооружений, отвечает стратегической цели достижения глобального военного превосходства США³. Определенный сигнал в этом направлении уже послан: статус «агрессора» закреплен за Россией в Стратегии национальной безопасности США, опубликованной в феврале 2015 г.⁴. Другие концептуальные документы администрации Б. Обамы в области национальной безопасности – стратегии национальной безопасности 2010 и 2015 гг., военная стратегия США 2012 г. – не внесли существенных корректив в политическую линию Вашингтона в области развития ПРО и сохранили ее общий вектор в сторону геополитического доминирования США во всемирном масштабе [3–5].

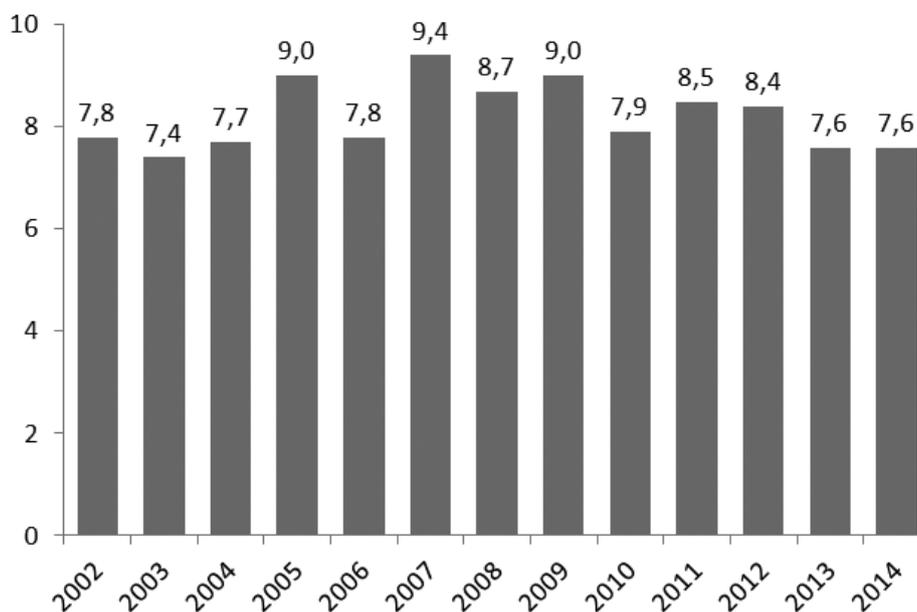
¹ *Wolf A.F.* Conventional Prompt Global Strike and Long-Range Ballistic Missiles: Background and Issues. - Washington: Congressional Research Service. July 6, 2012. URL: <http://fas.org/sgp/crs/nuke/R41464.pdf>.

² *Мизин В.* Военные угрозы – иллюзия или реальность. URL: <http://mgimo.ru/news/experts/document187883.phtml>.

³ *Мухайлов В., Степанов В.* Основные тенденции политики новой администрации США в области противоракетной обороны. URL: <http://pircenter.org/index.php?id=1248&news=5711>.

⁴ National Security Strategy. Washington: GPO, 2015. 29 p.

Финансирование программ ПРО в 2002–2014 гг., млрд долл.

Примечание. Данные за 2013 г. приведены с учетом секвестра в 9%.

Планы и перспективы развития программ ПРО

Общий надзор за деятельностью Пентагона в области ПРО осуществляет Исполнительный совет по ПРО, созданный в 2007 г. В его состав вошли представители министерства обороны, госдепартамента и совета национальной безопасности США. В развитии средств ПРО принимают участие несколько учреждений. Агентство ПРО (при министерстве обороны США) отвечает за разработку, закупку, испытания и развертывание элементов национальной и региональных систем ПРО, включая автоматизированную систему боевого управления С²ВМС. Выработка основных стандартов, предъявляемых к системам ПРО, происходит в сотрудничестве данного агентства и стратегического командования. Агентство также тесно взаимодействует с военно-научными организациями и региональными командованиями, в зоне ответственности которых реализуется данная военная программа.

Вторым важным управляющим компонентом являются командования видами вооруженных сил США. В распоряжении сухопутных сил находятся радары типа AN/TPY-2, ЗРК Patriot и THAAD. Военно-морским силам подчинены корабли, оснащенные боевыми управляющими системами «Иджис» и противоракетами SM-3, и береговые комплексы «Иджис». Третий компонент – региональные

командующие, отвечающие за планирование и выполнение операций по применению сил и средств ПРО в зонах географической ответственности: Европейское, Центральное и Тихоокеанское. О масштабах деятельности в области создания ПРО говорят опубликованные оценки административно-бюджетного управления США. Расходы агентства ПРО от момента его создания в 2002 г. и до 2014 г. составили сумму в 98 млрд долл.⁵ (см. рисунок).

В 2015–2019 гг. планируется истратить еще 37,5 млрд долл. на нужды ПРО⁶. В частности, на 2015 г. Пентагон запросил 7,4 млрд долл. на финансирование дальнейшего развития ПРО и закупку вооружений⁷. Планы агентства ПРО изложил 11.07.2014 на слушаниях в сенатском комитете по ассигнованиям вице-адмирал Дж. Сиринг, который отметил, что эти средства необходимы для того, чтобы:

- построить дополнительно 14 наземных шахтных установок ПРО GBI на территории США и к 2017 г. довести их количество до 44 ед.;

⁵ Historical Funding for MDA FY85-15. URL: <http://mda.mil/global/documents/pdf/histfunds.pdf>.

⁶ Regional Missile Defense: DoD's Report Generally Addressed Required Reporting Elements, but Excluded Additional Key Details. GAO-15-32. Washington: U.S. Government Accountability Office, 2014. 58 p.

⁷ Vice Admiral James D. Syring, USN Director, Missile defense Agency before Senate the Appropriation Committee Defense Subcommittee. Wednesday, June 11, 2014. Washington: CQ, 2014. 28 p.

- продолжить выполнение 2-й и 3-й фаз по развертыванию элементов ЕвроПРО по плану Европейского поэтапного адаптивного подхода (ЕПАП), что подразумевает развертывание наземных комплексов «Иджис» в Румынии (2015 г.) и Польше (2018 г.);
- модернизировать эсминцы типа «Иджис» за счет установки противоракет SM-3 Block 1B;
- ввести в строй второй радар морского базирования сантиметрового диапазона AN/TPY-2 в Японии, который усилит не только сеть радаров в Азиатско-Тихоокеанском регионе, но и глобальную инфраструктуру американской ПРО;
- произвести министерству обороны закупки двух резервных радаров AN/TPY-2;
- развернуть дополнительную батарею мобильных ЗРК наземного базирования THAAD⁸.

Значительные средства будут вкладываться в модернизацию, научные исследования и испытание различных элементов ПРО. Из годового бюджета агентства ПРО на эти цели выделяется 75% всего финансирования 2015 г., т.е. 5,58 млрд долл. Кроме того, агентство ПРО планирует потратить 99,5 млн долл. на модернизацию боевого блока для комплекса GBI, 79,5 млн долл. на разработку нового радара дальнего радиуса действия, 122 млн долл. на повышение разрешающей способности, надежности и поражающей способности боевых частей антиракет. На проведение испытаний по отработке технологий ПРО с применением радаров морского базирования в Тихом океане намечено израсходовать 64 млн долл. Модернизация радаров системы раннего предупреждения о ракетном нападении потребует 38,6 млн долл.

На возобновление работ по созданию боевого блока Exoatmospheric Kill Vehicle для антиракет комплекса GBI планируется израсходовать 99,5 млн долл. Новая идея состоит в создании модульного устройства с открытой архитектурой, что облегчит дальнейшую модернизацию⁹. Боевая часть будет выводиться за атмосферу с помощью трехступенчатой ракеты и будет иметь собственный двигатель для маневрирования в космосе и бортовой компьютер для точного наведения и обмена

информацией с командным пунктом. Поражение цели предполагается достигать за счет столкновения на гиперзвуковой скорости, т.е. без подрыва боезаряда.

В разработку нового радара дальнего радиуса действия Long Range Discrimination Defense предполагается вложить 79,5 млн долл. Он должен обладать повышенными характеристиками по обнаружению и устойчивому сопровождению целей, обеспечивая защиту территории США от угроз с тихоокеанского направления. Этот проект является дополнением программы по повышению защищенности территории США от ракетных атак, на которую выделяется 122 млн долл. Основные усилия будут направлены на повышение эффективности перехвата боевых блоков после их входа в атмосферу.

На закупку ЗРК THAAD Агентство ПРО запрашивает 464 млн долл., включая 31 антиракету для THAAD и развертывание дополнительной батареи этого ЗРК на о. Гуам. Еще 300 млн долл. пойдет на дальнейшую модернизацию комплекса, который показал высокую эффективность. В 2015 г. будут проводиться испытания по перехвату с помощью THAAD межконтинентальных баллистических ракет (МБР) с разделяющимися боевыми блоками¹⁰.

Наибольший интерес экспертов, в том числе российских, вызывает динамично развивающийся в последние годы морской компонент ПРО, основанный на использовании кораблей, оснащенных системой «Иджис». По данным исследовательской службы конгресса США, на создание ПРО морского базирования, начиная с 1995 г., было потрачено примерно 13,7 млрд долл.¹¹ В 2015 г. на закупки систем «Иджис» будет истрчено 504,3 млн долл. и 225,7 млн долл. на «Иджис» наземного базирования. Многофункциональные корабли «Иджис» способны решать такие задачи, как поражение наземных целей, ведение противолодочной борьбы, борьба с авиацией противника, перехват баллистических ракет ближнего и среднего радиуса действия. Последняя модификация противоракеты SM-3 Block 1B, над которой работы еще продолжаются, в некоторых случаях будет способна к перехвату МБР

⁸ Vice Admiral James D. Syring, USN Director, Missile defense Agency before Senate the Appropriation Committee Defense Subcommittee. Wednesday, June 11, 2014. Washington: CQ, 2014. 28 p.

⁹ Missile Defense Agency. Fiscal Year 2015. Budget Estimation. Overview. 14-MDA-7697. Washington: Department of Defense, 2014. P. 5.

¹⁰ Vice Admiral James D. Syring, USN Director, Missile defense Agency before Senate the Appropriation Committee Defense Subcommittee. Wednesday, June 11, 2014. Washington: CQ, 2014. P. 28.

¹¹ O'Rourke R. Sea-Based Ballistic Missile Defense – Background and Issues for Congress. Congressional Report service. Report RL33745. Washington: Congressional Research Service, 2008. P. 57.

за счет повышения ее скорости. Планировалось, что эта модификация противоракеты появится к концу 2015 г. Другое направление работ по SM-3 связано с улучшением характеристик головки самонаведения по распознаванию ложных целей и повышением устойчивости к воздействию средств радиоэлектронной борьбы.

На продолжение работ по системе «Иджис», в том числе по взаимодействию со спутниковыми системами наблюдения STSS/PTSS и боевой управляющей системой C²VMC, будет потрачено 929 млн долл. Система обеспечивает сопряжение элементов ПРО наземного, морского, воздушного и космического базирования в глобальную систему с единым управлением. Конечная цель состоит в создании системы ПРО, которая способна постепенно наращивать возможности по обнаружению пусков МБР в различных регионах мира, сопровождению и уничтожению баллистических ракет любой дальности и на любой части траектории полета¹².

На закупки 30 антиракет SM-3 Block 1B будет потрачено 435 млн долл., а общее их количество доведено до 332 ед.¹³. Эти модификации ракет предполагается использовать для уничтожения моноблочных баллистических ракет среднего радиуса действия. Также намечено увеличение финансирования на проведение испытательных пусков противоракет с 338 до 386 млн долл. На продолжение исследований по модификации SM-3 Block 1A заложено 263,6 млн долл.

Продолжатся работы по перспективной ракете SM-6, предназначенной для уничтожения баллистических ракет на конечном отрезке траектории полета, а также для выполнения задач ПВО по защите самих кораблей «Иджис», в том числе от крылатых ракет, противокорабельных ракет, беспилотных летательных аппаратов и самолетов. Дальность ракеты оценивается до 240 км, по высоте – до 33 км. Ее отличает способность поражать цели за пределами видимости корабельного радара за счет активной головки самонаведения, а также возможность противодействовать средствам радиоэлектронной борьбы противника. На испытаниях 2014 г. SM-6 успешно отразила массированную атаку

низколетящих дозвуковых и сверхзвуковых целей¹⁴, имитирующих в том числе противокорабельные сверхзвуковые ракеты «Москит» российского производства. Поступление на вооружение SM-6 планируется в 2016 г.¹⁵.

Проблемы реализации программ ПРО и безопасность России

В российском экспертном сообществе идут дискуссии о том, чего же реально добились США в области ПРО и каким должен быть ответ России. В этой связи необходимо обратить внимание на трудности, с которыми сталкиваются США при создании ПРО.

Первая из них связана с высокой стоимостью всей программы, что ставит под вопрос реализацию планов из-за экономического кризиса, продолжающегося в США, который ведет к фактическому сокращению финансирования многих оборонных программ. Например, в плане бюджета на 2015 г. министерство обороны вынуждено было снизить запрашиваемые суммы на закупку вооружений со 100 млрд (2014 г.) до 90,6 млрд долл. (2015 г.)¹⁶.

В перспективе до 2019 г. намечается уменьшение финансирования военных расходов в общей сумме на 115,2 млрд долл., причем треть сокращений придется на программы модернизации вооруженных сил США. Ожидаемая динамика снижения финансирования по сравнению с предлагаемым Б. Обамой военным бюджетом представлена в табл. 1. Это урезание произойдет, если экономическая ситуация в США не будет улучшаться. Судя по планам бюджета на 2016 г., который был представлен на обсуждение конгрессу США, тенденция к общему сокращению бюджета министерства обороны сохраняется [6].

Если сравнивать с предыдущим годом, то в 2015 г. финансовые сокращения коснулись некоторых исследований по ПРО, в их числе программы по технологиям создания универсальной боевой части ракеты (*Common Kill Vehicle Technology*), спутниковая система навигации (*STSS*), программы научно-технического сотрудничества с Израилем. Происходит

¹⁴ Raytheon SM-6 Missiles intercept targets in engage on remote. URL: http://navyrecognition.com/index.php?option=com_content&task=view&id=2073.

¹⁵ Стандартная ракета-6 (SM-6) – новые зенитные ракеты для эсминцев Aegis ВМС Южной Кореи. URL: http://arms-expo.ru/news/weapons_in_the_world/standart-missile-6-sm-6---novye-zenitnye-rakety-dlya-esmincev-aegis-vms-yuzhnoy-korei14-06-2013-18-00-00.

¹⁶ Procurement Programs (P-1). Department of defense Budget. Fiscal Year 2015. – Washington: Office of the Under Secretary of Defense, 2014. URL: <http://comptroller.defense.gov/budget.aspx>.

¹² Vice Admiral James D. Syring, USN Director, Missile defense Agency before Senate the Appropriation Committee Defense Subcommittee. Wednesday, June 11, 2014. Washington: CQ, 2014. P. 28.

¹³ Missile Defense Agency. Fiscal Year 2015. Budget Estimation. Overview. 14-MDA-7697. Washington: Department of Defense, 2014. P. 5.

Таблица 1

Темпы снижения финансирования министерства обороны США к 2019 г., млрд долл.

Объект финансирования	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	Всего с 2016 по 2019 г.
Сухопутные силы	8,0	7,6	6,2	4,5	26,4
Военно-морской флот	12,1	9,1	7,5	5,9	34,6
Военно-воздушные силы	10,3	10,1	8,8	7,0	36,2
Другие рода войск	4,8	4,6	4,1	4,4	18,0
Итого...	35,3	31,4	26,6	21,9	115,2

Таблица 2

Прогнозируемые темпы снижения финансирования программ ПРО, млн долл.

Направление финансирования	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	Всего с 2016 по 2019 г.
Модернизация противоракет среднего радиуса действия	264	273	89	13	639
Модернизация радаров для наземных сегментов ПРО	126	152	145	132	556
Итого...	390	425	234	145	1 195

сокращение ассигнований на исследования и модификацию противоракеты SM-3 Block IIА с 308,4 до 263,6 млн долл. по сравнению с прошлым годом. Доработка и развертывание новейшей SM-3 Block IIВ вообще остановлены конгрессом США, а освободившиеся средства направлены на строительство дополнительных установок GBI¹⁷. Однако большая часть исследований все же получила дополнительное финансирование, таким образом, речь идет не столько о сокращении, сколько о реструктуризации расходов на исследования.

Финансовые ограничения частично повлияли на принятое в 2013 г. администрацией Б. Обамы решение о приостановке 4-й фазы ЕПАП по развертыванию SM-3 Block IIВ в Польше (данный проект вызвал в свое время крайне острую реакцию со стороны российского руководства). Теперь эти планы развертывания отложены – по крайней мере до 2022 г., хотя многие американские эксперты считают, что эти ракеты вообще бесполезны в Европе, если иметь в виду защиту США от ракетной атаки¹⁸.

В случае вынужденного секвестра из-за экономических трудностей министерство обороны США ожидает значительного урезания финансирования программ по модернизации противоракет для перехвата баллистических ракет

среднего радиуса действия и радаров для наземных сегментов ПРО¹⁹ (табл. 2).

Проводимая модернизация морского компонента тоже обходится довольно дорого: например, установка на корабле системы «Иджис» стоит в среднем 221 млн долл²⁰, одна зенитная управляемая ракета комплекса Patriot-3 – 3,34 млн долл., а морская противоракета SM-3 Block IIВ – 12,3 млн долл. Стоимость одной ракеты комплекса THAAD составляет 9,8 млн долл., а всей батареи – 833 млн долл. Тяжелая трехступенчатая ракета GBI стоит почти до 90 млн долл. плюс маневрирующая боевая часть – 24 млн долл. Масштабы цен соответствуют объемам закупок министерства обороны США: ракеты SM-3 и THAAD закупаются лишь десятками в течение финансового года, а ракеты для GBI – только штучно, да и то не каждый год²¹.

Другая сложность в реализации планов по созданию ПРО связана с тем, что некоторые военные программы были остановлены, поскольку оказались невыполнимыми по различным причинам: отсутствие технологий, несоответствие замысла реальным вызовам и угрозам, недостаточная эффективность на практике. Нередко решения о производстве принимались до того, как изделие проходило полный цикл испытаний и доказывало

¹⁹ Estimated Impact of Sequestration – Level Funding. Washington: Department of Defense, 2014. P. 36.

²⁰ O'Rourke R. Navy Aegis Cruiser and Destroyer Modernization: Background and Issues for congress. Report RS22595. Washington: Congressional Research Service, 2009. P. 7.

²¹ Кашир В. Что меняет система ПРО США. URL: <http://mir-politika.ru/1254-chto-menyaet-sistema-pro-ssha.html>.

¹⁷ RDT&E Programs (R1) Department of defense Budget. Fiscal Year 2015. Washington: Office of the Under Secretary of Defense, 2014. URL: <http://comptroller.defense.gov/budget.aspx>.

¹⁸ RIM-161 SM-3 (AEGIS Ballistic Missile Defense) URL: <http://globalsecurity.org/space/systems/sm3.htm>.

свою эффективность в условиях, приближенных к боевым. В этой связи в обзоре ПРО за 2010 г. перед министерством обороны США были поставлены задачи по разработке планов, которые, с одной стороны, должны быть направлены на долгосрочное и устойчивое финансирование программ ПРО, с другой – исключают неперспективные исследования²².

Такой программой стала Multiple Kill Vehicle, направленная на создание средств перехвата ракет на средней части траектории полета. Замысел состоял в том, чтобы боевая часть антиракеты поражала одновременно несколько целей. Однако создать необходимые технологии в допустимые сроки так и не удалось, а дальнейшие исследования сочли слишком дорогостоящими. Остановлена была и программа Kinetic Energy Interceptor, которая предполагала уничтожение ракеты противника на разгонной части траектории. Оказалось, что эта технология не может быть совмещена с уже имеющимися системами оружия и пусковыми платформами, а стоимость всей программы и изготовления единицы изделия возросла в два раза по сравнению с плановыми. Так, стоимость одного перехватчика такого типа составила 50 млн долл.

Программа по созданию боевого лазера воздушного базирования на базе Боинг-747 также была перепрофилирована в чисто исследовательский проект в основном по техническим и технологическим причинам, связанным с неизбежным рассеянием луча из-за турбулентных явлений в атмосфере. Специалисты пришли к мнению, что для перехвата ракет малой и средней дальности подобная установка неперспективна²³.

Важнейшей частью глобальной ПРО является спутниковая группировка PTSS (*Precision Tracking Space System*), предназначенная для обнаружения и сопровождения баллистических ракет с помощью телескопа, работающего в инфракрасном диапазоне. Сигналы с этих спутников помогают наводить антиракеты. Программа PTSS стала продолжением предыдущей STSS (*Space Tracking and Surveillance System*), которая была начата еще в конце 1980-х гг. и показала свою низкую эффективность. Однако, согласно оценке сопредседателя Национальной академии наук, новая программа также далека от успеха. С одной стороны, эксплуатация такого

телескопа обходится слишком дорого, а технические возможности спутников недостаточны для надежного сопровождения цели. С другой стороны, выбранная экваториальная орбита находится достаточно далеко (4 тыс. км) от траекторий потенциальных пусков с территории Северной Кореи или Ирана. С такого расстояния телескоп не может отличить боеголовку от ложной цели²⁴. В итоге в 2014 г. программа PTSS была остановлена как неэффективная²⁵.

Еще одна проблема связана с надежностью и реальными возможностями противоракет и их отдельных компонентов. По данным 2014 г., опубликованным министерством обороны США²⁶, всего за период, начиная с 2001 г., когда стали создавать современную систему ПРО, было проведено 81 испытание по перехвату и уничтожению мишеней, из которых только 65 были признаны успешными. Самым эффективным проявил себя ЗРК THAAD – все 11 испытаний прошли удачно.

Наземные комплексы GBI поразили мишени 9 раз в 17 испытаниях. Очередные испытания в июле 2013 г. оказались неудачными, поскольку противоракета потеряла мишень над Тихим океаном. К этому следует добавить, что GBI способна сбивать только моноблочные МБР, не обладающие средствами преодоления ПРО. По оценкам российских экспертов, требуется две ракеты GBI, чтобы поразить одну такую боевую часть [2]. При этом GBI не эффективна против ракет с разделяющимися боевыми частями, которые к тому же способны создавать помехи, маневрировать по скорости и траектории. Не случайно некоторые конгрессмены критикуют планы Пентагона потратить из бюджета 2015 г. около 1 млрд долл. на строительство дополнительных шахтных установок этого типа на Аляске. Комментируя итоги испытаний GBI, сенатор Д. Дарбин, председатель подкомитета по обороне комитета по ассигнованиям, отметил на слушаниях в конгрессе: *«На нашей ответственности – убедиться, что эти характеристики [противоракеты] соответствуют объявленным... Мы знаем, что угроза [ракетного нападения] реальна. Вопрос – насколько реальна наша оборона».*

²⁴ Missile Defense: Can the Precision Tracking Space System Discriminate? URL: <http://mostlymissiledefense.com/2012/07/17/missile-defense-can-the-precision-space-tracking-system-discriminate-july-17-2012>.

²⁵ Precision Tracking Space System. Fact Sheet. URL: http://mda.mil/news/fact_sheets.html.

²⁶ Ballistic Missile Defense Intercept Flight Test record. URL: <http://mda.mil>.

²² Ballistic Missile Defense Review Report. Washington: Missile Defense Agency, 2010. P. 48.

²³ Independent working Group on Missile Defense, the Space-Relationship & 21st century. Report 2007. Washington: The Institute for Foreign Policy Analysis, 2007. P. 235.

О серьезных проблемах говорится и в официальных заявлениях высокопоставленных американских военных. Так, вице-адмирал Дж. Сиринг, директор Агентства по ПРО, вынужден был признать, что в результате спешки системы GVI были запущены в производство и развернуты до окончания полного цикла испытаний. В итоге комплексы ПРО содержат множество инженерных ошибок, как признал Ф. Кендал, заместитель министра обороны по закупкам, технологии и логистике²⁷. Теперь министерство обороны стоит перед необходимостью «латать дыры» на развернутых установках и проводить дополнительные испытания в том числе поступающих на вооружение ракетных установок²⁸. С аналогичной проблемой США уже сталкивались при разработке истребителя F-35.

Противоракеты, запущенные с помощью системы морского базирования «Иджис», были успешны в 28 случаях из 34 испытаний. Только в ноябре 2014 г. система «Иджис» впервые была успешно испытана на одновременное поражение двух разнотипных целей (баллистической и аэродинамической) с борта эсминца «Джон Пол Джоунс»²⁹. Использование одного эсминца для поражения одной-двух целей указывает на то, что пока эффективность «Иджис» как элемента ПРО недостаточно высока. По оценкам российских экспертов, для уничтожения российской МБР понадобится около 10 противоракет SM-3 Block IIВ [2].

Американские эксперты также указывают и на другое важное обстоятельство, связанное с ускоренным созданием элементов ПРО. Согласно их оценкам, командование ВМФ США начало программу модернизации кораблей под систему «Иджис», не предложив стратегического видения их места в структуре флота в будущем, а также концепции взаимодействия с другими силами и средствами вооруженных сил при проведении операций. Дело в том, что модернизации подлежат устаревающие корабли (постройки от 1978 до 1994 г.), причем первыми под переоборудование идут самые старые корабли, которым ВМФ продлевает сроки эксплуатации до 40 лет. Именно поэтому, как отмечается в докладе исследовательской

службы конгресса США, альтернативой могла бы стать постройка на часть из выделяемых под модернизацию средств новейших эсминцев и крейсеров.

Сомнение некоторых американских экспертов вызывает и осуществимость планов по созданию открытой архитектуры «Иджис», что позволило бы легко модернизировать и совмещать «Иджис» с другими системами. Такую универсализацию затрудняет сильная конкуренция сразу нескольких крупных фирм, которые борются за заказы Пентагона («Локхид», «Рейтон», «Тотал Шип Компьютинг Эвайронмент Инфраструкче», «Дженерал Дайнемикс», «Нортроп»)³⁰.

Планы использования эсминцев и крейсеров с системой «Иджис» в качестве ядра морской составляющей ПРО могут иметь неоднозначные последствия для оперативных возможностей ВМФ США. Эти корабли создавались как многофункциональные, поэтому участие в операциях ПРО связано со снижением их возможностей для выполнения других задач: борьбы с самолетами, крылатыми ракетами, подводными лодками, береговыми целями. Дело в том, что для ракет различного назначения используются одни и те же контейнеры, и увеличение количества ракет SM-3 означает уменьшение ракет другого типа. Это делает морскую составляющую американской ПРО в ее нынешнем виде более уязвимой для противника и требует развертывания дополнительных сил ВМС для ее защиты³¹.

Кроме того, на слушаниях в конгрессе Ф. Кендал выразил мнение, что военно-технологическое превосходство США вовсе не гарантировано: *«Мы должны отказаться от самонадеянности, что мы лучшие, что мы имеем широкий запас превосходства. Это больше не соответствует действительности»*³².

Наконец, объективно существует принципиальный предел возможностям ПРО. Многолетний опыт разработок и испытаний различных систем ПРО, начиная со времени противостояния СССР и США, показал, что создать систему, которая надежно

²⁷ McGarry B. Budget 2015 Seeks Missile Fixes, Future Technology. URL: <http://dodbuzz.com/2014/02/25/budget-funds-missile-fixes-future-technology>.

²⁸ McGarry B. Test Failure Stirs Missile Defense Doubts. URL: <http://defensetech.org/2013/07/18/test-failure-stirs-missile-defense-doubts>.

²⁹ США провели успешные испытания системы ПРО. URL: <http://lenta.ru/news/2014/11/07/aegis>.

³⁰ O'Rourke R. Navy Aegis Cruiser and Destroyer Modernization: Background and Issues for congress. Report RS22595. Washington: Congressional Research Service, 2009. P. 7.

³¹ O'Rourke R. Sea-Based Ballistic Missile Defense – Background and Issues for Congress. Congressional Report service. Report RL33745. Washington: Congressional Research Service, 2008. P. 57.

³² McGarry B. Budget 2015 Seeks Missile Fixes, Future Technology. URL: <http://dodbuzz.com/2014/02/25/budget-funds-missile-fixes-future-technology>.

защитит территорию большого государства от одновременного массированного пуска МБР, невозможно. Это мнение подтверждается расчетами военных специалистов как в России, так и в США. Известный американский специалист Т. Постол утверждает, что у США нет хорошей системы распознавания ложных целей, в «облаке» которых летят боевые блоки. По его мнению, вся система испытаний ПРО построена американцами так, чтобы скрывать имеющиеся недостатки [7]. Другие источники подтверждают эту точку зрения. Например, южнокорейские эксперты отмечают, что испытания ЗРК THAAD проводились американцами только по перехвату ракет, запущенных с самолетов и ни разу – из наземной установки. Объясняется это тем, что ЗРК технологически более приспособлен именно для таких случаев³³.

Таким образом, при защите территории крупного государства речь может идти лишь о перехвате одиночных и групповых пусков МБР. Прорыв хотя бы десятков ядерных боеголовок считается неприемлемым ущербом и делает ПРО бесполезной в стратегических отношениях между великими державами. Это обстоятельство необходимо учитывать при анализе угроз безопасности России, которые возникают при развитии элементов ПРО США как на своей территории, так и в других регионах мира. Системы ПРО более эффективны при выполнении задач по прикрытию особо важных объектов либо группировок войск на конкретном театре военных действий. Потенциал ядерного сдерживания России может быть снижен только в отдаленной перспективе, если США удастся развернуть в космосе большое количество лазерного и кинетического оружия [7].

Российские эксперты считают, что главным фактором, существенно снижающим эффективность американской НПРО, являются разработанные в России средства преодоления ПРО, которые способны прорвать даже более эффективную систему, чем США планируют создать к 2020 г.³⁴ Если к этому добавить, что к 2017 г. США будут иметь 44 установки GBI, то очевидно, что они не смогут с достаточной надежностью защитить территорию в случае пуска даже нескольких десятков МБР российского производства. Тактико-технические характеристики ЗРК THAAD и Patriot-3

также не позволяют решить эту задачу. НПРО США в обозримой перспективе будет эффективна лишь против ракет китайского и корейского производства, не имеющих разделяющихся боевых частей и средств преодоления ПРО.

Простое количественное наращивание современных американских мобильных средств ПРО за пределами США, у границ России и в прилегающих к территориальным водам пространствах (например, в Баренцевом море) тоже не обеспечит достаточно надежной защиты в случае массированного пуска российских МБР по территории США. Тем более что российские пусковые установки, расположенные восточнее Урала, останутся недостижимыми. Кроме того, мощным ударным потенциалом обладает стратегический ядерный подводный флот России.

Ответ России на вызовы безопасности

Очевидно, что политика США по развитию НПРО создает вызовы военной безопасности России как на современном этапе, так и в перспективе. Возникает вопрос, каким должно быть реагирование, достаточное для того, чтобы не допустить превращения подобных вызовов в прямую угрозу военной безопасности России? Фактическое положение дел говорит в пользу того, что в обозримом будущем планы США по созданию достаточно эффективной НПРО, способной нейтрализовать массированный удар стратегических ядерных сил России, из-за финансово-экономических и технологических причин реализованы не будут. Наибольший вызов безопасности нашей страны создает информационная инфраструктура ПРО, развертываемая США вблизи границ России и в космосе.

С учетом этого главного обстоятельства и следует выработать оптимальную стратегию России, не впадая в «алармизм», чреватый не только необоснованными экономическими издержками, но и негативными политическими последствиями. России необходимо уточнить собственные позиции по проблеме ПРО. Неутихающие в российском экспертном сообществе споры показывают, что до сих пор отсутствует согласованная позиция по базовому вопросу – оценке угроз военной безопасности России вследствие реализации планов США по развертыванию систем ПРО как на своей территории, так и в других регионах мира. Не отрицая важности политической составляющей, авторам представляется, что более весомое слово в принятии решений на государственном уровне должны получить эксперты, компетентные в военно-технической стороне данной проблемы.

³³ Kim J. Disputing the Phantom: the Deployment of the THAAD to South Korea // East Asia Foundation Policy Debates. 2014, № 14. P. 5.

³⁴ Арбатов А. Противоракетные дебаты: в поисках согласия. URL: <http://vpk-news.ru/articles/8917>.

В качестве политического ответа на проблему ПРО России необходимо без излишней политизации проблемы искать пути для двусторонних переговоров с США по вопросу о мерах военного доверия в области ПРО. Создать совместную ПРО невозможно, поскольку Россия не является членом НАТО, но можно наладить обмен информацией о пусках ракет третьих стран. Наступившее охлаждение российско-американских отношений, конечно, не лучший период для достижения компромиссов, но следует заметить, что в годы холодной войны это удавалось сделать и в менее благоприятных политических условиях.

Военная стратегия США ориентирована не на глобальное противостояние с конкретным противником, а на проблемы региональной безопасности. При этом источники угроз безопасности США в доктринальных документах, регламентирующих военную политику, называются крайне размыто. Распространение ракетных и других систем оружия дает потенциальным противникам возможность нанести США неприемлемый ущерб, и не обязательно на территории самих США (в качестве целей могут выступать системы коммуникаций и связи, военные базы, порты, аэродромы, расквартированные за рубежом войска). В таких обстоятельствах средства ПРО стали рассматриваться как важный инструмент стабилизации региональных конфликтов и одновременно – усиления глобального влияния США. Выйдя из договора по ПРО 1972 г., США пока не собираются накладывать на себя какие-либо ограничения в этой области. В условиях кризиса

отношений России и Запада в целом попытки ультимативного давления на США со стороны России по такому вопросу, как ПРО, будут не просто безрезультатными, но и контрпродуктивными.

Выстраивание политического диалога России со своим главным оппонентом – США – должно учитывать реалии сегодняшнего дня. Прежде всего необходимо иметь в виду, что после окончания холодной войны в США изменилась оценка роли ПРО. В условиях, когда непримиримое противостояние с СССР ушло в прошлое, вероятность прямого использования ядерного оружия США против современной России снизилась, и гарантией этого служит сохраняющийся ракетно-ядерный потенциал для нанесения уничтожающего ответного или ответно-встречного удара. Украинский кризис и охлаждение отношений с США не меняют этого основного условия стратегической стабильности двусторонних отношений.

Ответные меры военно-технического характера со стороны России должны быть направлены не на эскалацию напряжения в области ПРО, а в первую очередь на выправление уязвимых мест в собственном оборонном комплексе. Эти меры должны включать построение надежного периметра средств предупреждения о ракетном нападении, дальнейшее развитие средств преодоления ПРО, модернизацию имеющихся МБР, совершенствование оборонительных систем, прикрывающих стратегические ядерные силы России, укрепление Северного и Тихоокеанского флотов, создание систем контроля за воздушной, надводной и подводной обстановкой в прибрежных акваториях.

Список литературы

1. Ядерное распространение: новые технологии, вооружения и договоры / под ред. А. Арбатова, В. Дворкина. М.: РОССПЭН, 2009. 272 с.
2. Дворкин В.З. Трансформация стратегической стабильности // Мировая экономика и международные отношения. 2013. № 8. С. 22–28.
3. Коньшев В.Н., Сергунин А.А. О новой военной доктрине Б. Обамы // Проблемы национальной стратегии. 2012. № 3. С. 98–113.
4. Коньшев В.Н., Сергунин А.А. Современная военная стратегия. М.: Аспект-Пресс, 2014. 272 с.
5. Коньшев В.Н., Сергунин А.А. Стратегия национальной безопасности Барака Обамы: старое вино в новых мехах? // США и Канада: экономика, политика, культура. 2011. № 1. С. 23–36.
6. Федюшко Д. Флот и морпехи – треть расходов Пентагона // Военно-промышленный курьер. 2015. № 5. С. 10.
7. Противоракетная оборона: противостояние или сотрудничество / под ред. А. Арбатова, В. Дворкина. М.: РОССПЭН, 2012. 367 с.

PROSPECTS OF DEVELOPING THE U.S. NATIONAL ANTI-BALLISTIC MISSILE DEFENSE SYSTEM

Valerii N. KONYSHEV^{a,*}, Aleksandr A. SERGUNIN^b

^a St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation
konyshev06@mail.ru

^b St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation
sergunin60@mail.ru

* Corresponding author

Article history:

Received 28 April 2015

Accepted 26 May 2015

JEL classification: F50

Keywords: anti-missile defense,
USA, security, threats

Abstract

Importance The US withdrawal from the 1972 ABM Treaty triggered fast development and deployment of the US national anti-missile system. The cooling in relations between Russia and the USA and the West as a whole terminated the ABM talks. However, lost control over this sector may undermine strategic stability globally and bilaterally.

Objectives The research examines the US policy for increasing capabilities of the national ABM system and its implications for Russia's security. The objective of the research is to analyze the role of the ABM system in the US strategy and evaluate the efficiency of some parts of the US ABM system, real achievements and problems the USA faced, and determine rising threats for Russia's security and find possible remedies.

Results We demonstrate that the US military strategy implies further development of the ABM system, which is regarded as a part of the new strategic triad, i.e. high precision weapons – nuclear weapons – the ABM system.

Conclusions and Relevance We conclude that, in the foreseeable future, the US ABM system will not be able to defend its territory from the Russian Intercontinental Ballistic Missiles that have split-up warheads and the anti-missile defense penetration system. Russia should find an approach to resume talks with the USA on confidence building measures in relation to the ABM, without politicizing the issues too much. It is necessary to strengthen the Northern and Pacific fleets, missile attack warning systems around Russia and develop the ABM penetration technologies.

© Publishing house FINANCE and CREDIT, 2015

References

1. *Yadernoe rasprostranenie: novye tekhnologii, vooruzheniya i dogovory* [Nuclear proliferation: new technologies, armament and contracts]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2009, 272 p.
2. Dvorkin V.Z. Transformatsiya strategicheskoi stabil'nosti [Transformation of the strategic stability]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya = World Economy and International Relations*, 2013, no. 8, pp. 22–28.
3. Konyshev V.N., Sergunin A.A. O novoi voennoi doktrine B. Obamy [The new military doctrine of Obama]. *Problemy natsional'noi strategii = Issues of National Strategy*, 2012, no. 3, pp. 98–113.
4. Konyshev V.N., Sergunin A.A. *Sovremennaya voennaya strategiya* [The modern military strategy]. Moscow, Aspekt-Press Publ., 2014, 272 p.
5. Konyshev V.N., Sergunin A.A. Strategiya natsional'noi bezopasnosti Baraka Obamy: staroe vino v novykh mekhakh? [Barack Obama's national security strategy: old wine in new bags?]. *SShA i Kanada: ekonomika, politika, kul'tura = United States and Canada: Economics, Politics, Culture*, 2011, no. 1, pp. 23–36.
6. Fedyushko D. Flot i morpekhi – tret' raskhodov Pentagona [The US Navy and Marines account for one-third of the Pentagon's costs]. *Voенno-promyshlennyyi kur'er = Military and Industrial Courier*, 2015, no. 5, p. 10.
7. *Protivoraketnaya oborona: protivostoyanie ili sotrudnichestvo* [Anti-missile defense: confrontation or cooperation]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2012, 367 p.